

К 85-летию В.Г. Распутина

DOI: 10.31862/0130-3414-2022-2-30-43

В.К. СиговМосковский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация**Земля, дом, мир, дух
в творчестве В.Г. Распутина**

Аннотация. 15 марта 2022 г. исполнилось 85 лет со дня рождения В.Г. Распутина (1937–2015), выдающегося русского писателя, классика отечественной литературы XX – начала XXI в. В статье предлагаются подходы к изучению его творчества с точки зрения важнейших образно-философских категорий, определяющих содержание авторской позиции и суть художественного мира его произведений. Подчеркнута первичность их художественного воплощения, а позже сам Распутин формулировал важные для себя положения и в публицистической форме. Предметом аналитического рассмотрения в статье становятся повести Распутина «Последний срок», «Живи и помни», «Прощание с Матерой», «Дочь Ивана, мать Ивана», рассказы «Василий и Василиса», «Век живи – век люби». Земля для писателя понятие многозначное. Как плодоносящая почва она влияет на все стороны жизни и определяет содержание внутреннего мира крестьянина. Земля в метафорическом смысле – это основополагающие поведенческие, философские, эстетические начала личности традиционного типа, крестьянского мира. Писатель развивает воззрения Ф.М. Достоевского на этот вопрос, в то же время полемизируя с позицией многих иных литераторов XIX в., например, Г.И. Успенского, которые считали, что «власть земли» негативно влияет на крестьянский тип личности. Дом и мир у Распутина – это малый и большой круги человеческого общения. На основании мирских правил и установок формируется ядро национального мира – народ. Дух для Распутина всеобъемлющее и важнейшее понятие, творящее начало бытия, объединяющее в подвластности себе существование природы, религию, все явления индивидуальной и общественной жизни людей, а также искусство.

Ключевые слова: деревенская проза, категории художественного мира В.Г. Распутина, образная система произведений писателя, философия творчества, духовность

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Сигов В.К. Земля, дом, мир, дух в творчестве В.Г. Распутина // Литература в школе. 2022. № 2. С. 30–43. DOI: 10.31862/0130-3414-2022-2-30-43

DOI: 10.31862/0130-3414-2022-2-30-43

V.K. Sigov

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

Earth, home, world, spirit in V.G. Rasputin's creative work

Abstract. March 15, 2022 marks the 85th anniversary of the birth of V.G. Rasputin (1937–2015), an outstanding Russian writer, a classic of the Russian literature of the XXth – early XXIst centuries. The article proposes approaches to the study of his work from the point of view of the most important figurative and philosophical categories that determine the content of the author's position and the essence of the artistic world of his works. The primacy of their artistic embodiment was emphasized, and later Rasputin himself formulated important provisions for himself in a publicistic form. The subject of the analytical consideration in the article are Rasputin's novels "The Last Term", "Live and Remember", "Farewell to Matera", "Ivan's Daughter, Ivan's Mother", the stories "Vasily and Vasilisa", "A Century to Live – a Century to Love". Land for the writer is a multi-valued concept. As a fertile soil, it affects all aspects of life and determines the content of the inner world of the peasant. The earth in the metaphorical sense is the fundamental behavioral, philosophical, aesthetic principles of the personality of the traditional type, the peasant world. The writer develops the views of F.M. Dostoevsky on this issue, while polemicalizing with the position of many other writers of the nineteenth century at the same time, for example, G.I. Uspensky, who believed that the "power of the land" negatively affected the peasant type of personality. Rasputin's home and world are small and large circles of human communication. On the basis of worldly rules and attitudes, the core of the national world is formed – the people. Rasputin's spirit is a comprehensive and most important concept that creates the beginning of being, which unites in its subordination the existence of nature, religion, all phenomena of individual and social life of people, and art.

Key words: village prose, categories of V.G. Rasputin's artistic world, figurative system of the writer's works, philosophy of creativity, spirituality

CITATION: Sigov V.K. Earth, home, world, spirit in V.G. Rasputin's creative work. *Literature at School*. 2022. No. 2. Pp. 30–43. (In Rus.) DOI: 10.31862/0130-3414-2022-2-30-43

Четыре опоры у человека в жизни: дом с семьей, работа, люди, с кем вместе правишь праздники и будни, и земля, на которой стоит твой дом.

В.Г. Распутин

Появившись параллельно с литературой так называемых «шестидесятников», деревенская проза существенно отличалась по направлению поисков и стилистике. Главным в первом случае был социальный пафос, связанный в официозных произведениях с неоромантическими интонациями, призывами к продолжению революционных изменений жизни. В этой области литературы проявлялись также настроения протеста, индивидуалистического бунтарства как реакции на тотальную принудительную «коллективизацию» духа.

Литераторы, в числе которых был Валентин Распутин, взглянули на народную жизнь изнутри и на социально-политических вопросах внимания не акцентировали. И это им постоянно ставилось в вину текущей критикой: «Не в заповедниках и резервациях отрезанных бездорожьем сел надо искать истинные образцы красоты и примеры сокровенной незамутненной народной этики... В атомных субмаринах, в автомобильных пробках, в министерских кабинетах, в пеклах целинных жатв» [14, с. 9].

Действительно, нормативно закрепившиеся требования эстетики социалистического реализма к отбору материала, героев, идейных приоритетов и образных средств нарушались без нарочитого подчеркивания, но упорно. При этом В. Распутин, В. Шукшин, В. Белов, Е. Носов не были диссидентами, не стремились декла-

рировать несогласие с социально-политической линией руководивших страной сил. Эстетико-философская сверхзадача их творчества была сложнее и важнее. Она состояла в том, чтобы подвести итог, художественно запечатлеть результаты неизбежного демократического прорыва, который был осуществлен в трагических формах XX в. В «генетическом коде» «деревенской прозы» соединились элементы, связанные с разными эпохами народной жизни, переплавленные в формы бытия человека и общества советской эпохи в результате многолетней драматической борьбы не на жизнь, а на смерть.

С одной стороны, в прозе деревенщиков как бы ожили через десятилетия традиционные крестьянские воззрения на нравственность, духовность, которые не вполне совпадали с официальными идейно-философскими установками советской эпохи, а с другой – отразились трагические, но небесплодные испытания XX в., существенно менявшие суть национальной жизни и народный характер.

Многие драматические повороты и «великие переломы» советской эпохи, например коллективизация, были связаны с существенными растратами национального народно-крестьянского потенциала. Ориентация советской идеологии, политики, в том числе культурной, на интересы «широких народных масс» была для государственно-бюрократической верхушки во многом декларативной. И все-таки она сыграла выдающуюся роль в привлечении «выходцев из низов» к более активной, чем раньше, работе на «всех этажах» общественной практики, что было совершенно необходимо с точки зрения перспектив национального развития.

«Мужики», выходцы из крестьянского мира, физически и ментально связанные с ним, способны проявить себя и достичь предельных высот в любой сфере созидательной творческой деятельности. Это доказала практика развития СССР, России XX в. Вовсе не сталинское руководство или социалистический строй и экономика сами по себе стали основанием трудных побед Великой Отечественной войны и грандиозного восстановления и развития страны в послевоенный период. Взросшее и изначально трудящееся на земле, физически и духовно мощное крестьянство все еще составляло тогда огромное большинство русского мира. И отсюда под влиянием жизненной необходимости, индивидуального человеческого поиска, соображений социально-политического толка текла народная сила туда, где она была нужнее всего.

Так что, оглядываясь сегодня на наше прошлое, пытаясь давать оценку тем или иным действиям власти, следует понимать, что мера совпадения усилий власти и тенденций национальной жизни определяет степень исторической необходимости самой этой власти, с какими бы издержками ни было связано ее практическое осуществление.

Более свободное положение массового человека во всех сферах бытия – несомненное завоевание национальной жизни XX в. Это было, в частности, важным основанием самого появления в поколении, рожденном драматическими 1930-ми гг., вошедшем в активную жизнь на рубеже 1960-х, значительного слоя истинно народной даже по происхождению творческой интеллигенции, чего не находим в русском искусстве раньше.

В сфере художественной литературы «деревенская проза» как бы осуществила прогноз Достоевского, говорившего в связи с вступлением на историческую арену «четвертого сословия» о необходимости «не помещицей» литературы [4, с. 216]. Высокий, под стать классике, эстетический уровень творчества писатели, вышедшие из села, «знающие» национально характерное и непосредственно чувственно, и на уровне рефлексии, соединили со взглядом на жизнь, людей и историю «глазами народа» (Н.В. Гоголь).

«Массовый человек» становится главным героем «деревенской прозы». При этом он чрезвычайно активен в области, где поднимаются и решаются важнейшие вопросы бытия, природы, общества и мышления. Преодолевается барьер между культурно-интеллектуальной элитой и низовой жизнью национального большинства, неизбежно возникающий при вступлении в стадию «цивилизованного» существования. Некоторые признаки «цивилизованности» обнаруживают необязательность, ущербность, а фундаментальные основы бытия, вынужденного меняться под напором нового, – незаменимость. Критерию духовности возвращается значение универсального мерил достоинства и недостатков личности вне зависимости от ее социального статуса. В. Распутин, Е. Носов, В. Шукшин, В. Белов предложили национальному миру инструмент для преодоления внутренних противоречий: объединение на почве нравственности и правды как важнейшее условие дальнейшего плодотворного существования. Вместе с тем они показали, как непрост путь человека через катаклизмы века. Драмы

потерь, разрушения и трагедии поражений, гибели составляют существенную часть коллективной художественной картины, как и осмысленного писателями времени.

В.Г. Распутин в статье 1995 г. сказал вполне справедливо: «Сейчас вспоминать о “деревенской” литературе – все равно, что вспоминать о художниках-передвижниках прошлого века... За тем временем, той литературой опущен тяжелый занавес, вставший едва не стеной, за которой осталась минувшая эпоха» [10, с. 4]. Представление творчества Валентина Распутина сегодня не может не быть ретроспективным, несмотря на то, что продолжается в новых формах жизнь русского села, появляются художественные произведения, созданные на этом материале. Литературное творчество, возникшее как последнее «прости» уходящей Матере, – это теперь наша национальная классика. И задачи перед этим разделом классического наследия общие. Мы можем наслаждаться созданными Распутиным картинами и образами. Немаловажное значение имеют и те эстетико-философские положения, которые были им утверждены, развиты. Вот это и должно быть донесено новому читателю, подхвачено литературой изменившегося времени, если она претендует на то, чтобы оставаться национальной, духовно ориентированной, воплощающей индивидуальное без агрессивного противопоставления массовому, народному.

В нашем небольшом материале хочется указать на важнейшие категории художественного мира Распутина, которыми определяются сюжеты, конфликтные поля, расстановка действующих лиц, авторская позиция, его философия продолжающе-

гося русского национального народного бытия. Вынесенные в заголовок работы понятия – земля, дом, мир, дух – не абсолютные абстракции. Они реализованы в образной системе произведений писателя, закреплены и развивались на всем протяжении творческого пути художника и публициста. Это своеобразные скрепы, образующие единое эстетическое пространство прозы Распутина. Причем образно-эстетическое воплощение категориальные установки писателя находили раньше, чем были представлены и сформулированы им же в публицистических формах.

Важна предложенная последовательность чередования заглавных понятий. Земля – наиболее древняя и мощная сила, определяющая бытие человека. Отношение к этому явлению в истории русской мысли было сложным. Особенно много писал о «власти земли», подавлении «земельным комплексом» социального сознания Г.И. Успенский. «Труд постоянный и никакого результата, кроме навоза, да и того не остается, ибо и он идет в землю», – поражался публицист во «Власти земли» бесплодности крестьянского труда по отношению к человеку [15].

Для Распутина «земля» это – бытийно-чувственная категория народного мироощущения, более древняя, чем «Родина-мать», ориентированная на национальное и социальное сознание. Это, прежде всего, природный космос. Лучше всего это понимание земли у Распутина реализовано в повести «Прощание с Матерой». Сразу после выхода повести в 1976 г. многие литературные критики и публицисты с сожалением говорили, что он в этой повести ушел от органического изображения

характеров и жизни, что было сильной стороной более ранних произведений: «Деньги для Марии», «Василий и Василиса», «Последний срок». Дарья рассуждает, будто бы не как малообразованная крестьянка, а почти как философ. Появляются чуть ли не мистические мотивы и образы: Царский Листвень, Хозяин острова. А было это, как мы теперь понимаем, естественным движением писателя. Он хорошо знал людей, о которых пишет, овладел мастерством рассказчика, умел выстроить сюжет, где неожиданный поворот заставляет все с большим интересом переворачивать страницы в ожидании развязки. Но еще писатель все отчетливее видит, что понимание мира лишь как социальной реальности в основе неверно. Природа – сила более древняя и универсальная. Гордый человек, хочет встать, наподобие боровшегося с Богом Иакова, на один уровень с природой и даже возвыситься над ней. Но, как заметила внуку Андрею Анна: «Вот-вот, царь. Поцарюет, поцарюет да загорюет...» [9, с. 457].

Идея крестьянского мира как небесного царства на земле у Распутина обоснована всесторонне. Это не только прямая отсылка к образу рукотворного ковчега: «хватало в ней и раздолья, и богатства, и красоты, и дикости и всякой твари по паре» [Там же, с. 392]. У В.Я. Проппа есть справедливое замечание о том, что в сказочном Небесном Царстве «нет леса и никогда нет обработанных полей, где бы колосился хлеб» [13, с. 360]. Исток святости – жертвенность и самоотверженность. Многовековой труд на земле, созидавший Матеру, изображен писателем именно таким образом. Его крестьяне – христиане, не только потому,

что некогда возвели на своем острове церковь, но по самой сути своего отношения к жизни. Матера «это святое место, и его затопление – правильнее будет истолковать не как *изгнание* (при изгнании, кстати, ведь остается и место для возвращения), но как *жертвоприношение*. Изгнание из рая – это начало человеческой истории, а затопление Матеры – ее конец» – справедливо отмечал Л.И. Бражников [2, с. 58]. Важно при этом отметить, что атрибуты крестьянского рая – изба, пашня, сотворенные руками и душами людей, – органично дополняют природный «рай», некогда дарованный первочеловеку Творцом. У Распутина дарованное Богом пополняется тем, что созидают на земле люди.

Новая художественная форма, предложенная Распутиным, соответствовала новому уровню его мысли и самих проблем, на которые он обратил внимание читателя уже в середине 1970-х гг. Как мы понимаем, вопросы эти не утратили, да, пожалуй, и не утратят актуальности.

Сложную горизонталь мира образуют плодородная твердь Матеры и могучая течь реки. Вертикаль, устремляющая взгляд и дух ввысь, – это Царский Листвень, причем бессмертный, не поддающийся всем усилиям пожарщиков. Мировое древо, индийская Ашваттха, скандинавский Иггдрасил и т.д. и т.п., иные историко-философские артефакты соотносятся с образом Распутина не механистически, а вполне органично. И здесь же есть живое, мифически обобщенное существо – Хозяин острова. Причем интересно, что он понимает человека, с чувством заглядывает в глаза Дарьи, а сказать ничего не может. Как собака? Даже,

наверное, как любое живое существо, как природа в целом. Она не враждебна человеку, она создана ранее и в определенном смысле для человека. Чтобы он осознал величие и полюбил красоту замысла создавшего его по образу и подобию своему. Очевидно, эти вполне справедливые параллели и вызывали раздражение у ревнителей идеологической чистоты 1970–1980-х гг. К счастью, они не были «неистовыми».

В очерке «Байкал, Байкал» Распутин пишет: «Природа сама по себе всегда нравственна, безнравственной ее может сделать лишь человек. И как знать, не она, не природа ли, и удерживает нас в тех более или менее разумных пока рамках, которыми определяется наше моральное состояние, не ею ли и крепится наше благоразумие и благодеяние?!» [5, с. 8].

И здесь возникает отсылка ко второму аспекту понятия «земля». Земля – это еще и традиционные трудовые, нравственные, эстетические начала жизни земледельца, крестьянина, христианина. Сформированное на земле нравственное чувство, воспринятые от земли представления о должном всегда и невозможном ни при каких обстоятельствах утверждались Распутиным как непреходящие ценности на всем протяжении творческого пути: «Былинный источник силы от матери-родной земли представляется ныне не для избранных, не для богатырей только, но для всех нас источником исключительно важным и целебным, с той самой волшебной живой водой при возвращении в образ, дух и смысл свой, в свое неизменное назначение... И тот, кто потерял это чувство земного притяжения, кто ведает одну лишь жизнь свою, без неразрывной связи прошло-

го, настоящего и будущего – вечного, значит огромную потерю той радости и муки, счастье и боль глубинного своего существования» [11, с. 6].

Красота личности традиционного типа и драма утраты глубинных ее качеств в полной мере передаются в повести «Последний срок», которую писатель долгое время называл наиболее значимым для себя произведением, где с максимальной полнотой удалось выразить главное. В последние три дня жизни, дарованных, вымоленных у судьбы ради встречи с детьми, личность распутинской героини открылась во всей ее прекрасной глубине и оригинальности. При этом автор нарочито подчеркивает кажущуюся бессобытийность существования Анны: «Рожала, работала, ненадолго падала перед новым днем в постель, вскакивала, старела – и все это там же, никуда не отлучаясь, как дерево в лесу, справляя те же человеческие надобности, что и ее мать» [9, с. 142]. Но отмечено и ее участие в делах людей, заинтересованная реакция на все, с чем приходится столкнуться. Анна умела жить и быть полезной в этом мире. Повседневные заботы не переходили в суету. Красота и значительность бытия были всегда доступны ей. Обратим внимание на, может быть, наиболее пронзительное по глубине восприятия красоты мира воспоминание героини:

«Она не старуха – нет, она еще в девках, и все вокруг нее молодо, ярко, красиво. Она бредет вдоль берега по теплой, парной после дождя реке, загибая ногами воду и оставляя за собой волну, на которой качаются и лопаются пузырьки. Песок на берегу темный и ноздреватый, берег низкий, прямо напротив него остров, где-то там на мысу шумит вода. <...>

И до того хорошо, счастливо ей жить в эту минуту на свете, смотреть своими глазами на его красоту, находиться среди бурного и радостного, согласного во всем действия вечной жизни, что у нее кружится голова и сладко, взволнованно ноет в груди.

Еще и теперь при воспоминании о том дне у старухи замерло сердце: было, и правда было, Бог свидетель» [9, с. 147].

Тут, признаюсь, всегда жаль сокращать цитирование для экономии места. Распутин-художник оставил нам непреходяще ценные в своем эстетически совершенстве тексты. Старуха-крестьянка? Нет! Это высококоразвитый, почти совершенный человек, личность богатая внутренне и активно воспринимающая мир вокруг себя. Ведь даже в последние три дня жизни не только о своих детях успела позаботиться и попечалиться Анна. Подруга Миросниха приносит ей весть, от которой «захолонуло сердце»: «медведь у Голубева телку задрал». А Голубев – единственный непьющий мужик в деревне. На него одного у старух надежда осталась, что норма жизни будет восстановлена. Больше того, этот воспринятый от земли закон справедливости для Анны важнее некоторых писанных церковно-религиозных постулатов: «Она считала грехом, когда родителям приходится опускаться в могилу своих детей, и грех этот готова была отдать Богу» [Там же, с. 138].

Драма разрыва с землей вполне может быть осмыслена и на примере «Последнего срока», достаточно взглянуть в фигуры теряющих связи с прошлым детей Анны, но в концентрированной форме воплощена в «Прощании с Матерой». Здесь земля – это, прежде всего, почва –

но воспринимаемая не как экономический ресурс, а как благодатная твердь, данная человеку на подержание и украшение. Разрыв с землей – начало умирания. Гибнут многие из вынужденно оставивших Матеру, гибнут предавшие ее. Большой туман в конце повести – явный вестник апокалипсиса, социального и нравственного пожара, изображенного в следующей повести Распутина. Осознав и показав изнутри основы родного для них и в этих основаниях прекрасного мира, Распутин, как и другие деревенщики, ощущал, что он переживает свой последний срок.

Время шло, стремительная социальная история рубежа XX–XXI вв. предложила сюжеты и коллизии немислимого ранее драматизма. Распутин пишет публицистические социально-критические статьи, пытается участвовать в политической борьбе. Наиболее масштабная попытка высказаться в художественной форме – повесть 2003 г. «Дочь Ивана, мать Ивана». Героиня была вынуждена убить и была готова на самоубийство как наказание за свой необходимый, но страшный выбор. Безысходность? И все-таки в конце повести писатель указывает на традиционные скрепы национального мира, обеспечивающие его жизнестойкость. Обычный крестьянский труд и жизнь на земле, обеспечивающие физическую и душевную жизнестойкость. Тамара Ивановна по дороге из тюрьмы к дому видит деревенскую девушку, занятую обычным делом на картофельном поле, и думает: «Господи, неужели сохранилась еще где-то цельная и размерная жизнь, а не одни ее обломки» [6, с. 208]. Внимание и любовь к родному языку, сохранение

и возрождение духовных оснований национального мира, церкви (эти аспекты связаны с этапами человеческого становления Ивана-сына), семьи, которую требует крепить своим упреком мужу Анатолию, вернувшаяся героиня: «Что это ты меня как племянницу какую... А ну-ка еще раз!» [6, с. 213]. А в рассказе «Изба» таким символом бессмертия национального духа становится нескораемый дом. Хлеб, дом, мир, дух. Другого, конечно, нет. Но возможна ли опора на традиционный фундамент индивидуального и общественного самостояния ввиду современных вызовов?

Думается, уже в середине 1970-х гг. многие деревенщики указали, что надеяться на возрождение традиционного мироотношения в описываемой современной социальной ситуации трудно, как никогда ранее. Исчезает не просто человеческая жизнь на земле, исчезает сама земля. Прежде всего, как почва, плоть, возрождающая жизнь из праха. Потеря связей с земледелием ведет к тому, что иссыхают дом, мир, дух. Наиболее масштабное изменение не только российской, но всей евро-американской картины бытия, завершившееся во второй половине XX в., полных аналогов в мировой истории не имеет. Об этом рассуждал еще О. Шпенглер в «Закате Европы» [16]. Он, правда, говорил об особом пути российско-сибирской цивилизации, очевидно, ощущая ее могучую крестьянскую базу. Но Россия более 100 лет догоняла, перегоняла... И сегодня процессы у нас мало чем отличаются от общих евро-американских. Потрясения прежних лет происходили в пределах единой цивилизационной системы, изменения второй

половины – конца XX в., в сущности, обусловлены сменой прежней системы мироустройства образованием качественно нового типа. В конечном счете, дело заключается не в трансформации внешних примет социальной жизни (переструктурирование государств, смещение баланса взаимодействующих на международной арене сил и т.п.). Исчезло прежнее основание национальных миров. Таким основанием, при всех нюансах жизни в отдельных регионах, на протяжении истории человечества была жизнь традиционного крестьянства, людей, поддерживающих органичную связь человека с землей, миром, существующим вне человека. Крестьянство всегда составляло большую часть человечества и обеспечивало твердую опору для материального, культурного, государственного и иных уровней социального бытия любого сообщества людей. «Можно жить потом на мостовой, но родиться и всходить нация, в огромном большинстве своем, должна на земле, на которой хлеб и деревья растут, – писал по этому поводу почвенник Достоевский. – ...Если хотите переродить человечество, почти что из зверей поделайте людей, то наделите их землей – и достигнете цели» [4, с. 96–98].

Уникальность положения и роли крестьянина в мире обусловлена единством материального, эстетического и духовного в его жизни, обеспечивавшимся неразрывной связью с землей. В бытие традиционного «сельского жителя» эстетическое входило как естественная часть труда, отдыха, быта, культа. Только соединение труда, быта и красоты может явиться основой подлинно одухотворенного бытия. Современный человек

в подавляющей массе со второй половины XX в. такого единства лишился, вследствие разрыва с землей.

В пост-деревенских произведениях Распутина все-таки сохраняется также вера в спасительную силу слова, которое «сильнее гимна и флага, клятвы и обета; с древнейших времен оно само по себе непорушимая клятва и присяга. Есть оно – и все остальное есть, а нет – и нечем будет закрепить самые искренние порывы» [6, с. 175]. Писатель хочет надеяться на первозданную природу человека, некогда нашедшего свое призвание в гармоничном бытии на земле. В апелляции к этим духовным основам людей заключается надежда на то, что человечество и русский мир сумеют выработать формы осмысленного и одухотворенного существования и в условиях, когда для большинства непосредственные связи с землей перестали являться фактором, формирующим жизни и питающим души. Народный характер в его изображении в конечном счете выражает тенденцию жизнестроения и творчества, а не распада и деградации. В этом смысле не важны никакие количественные соотношения. Разрушающая масса может быть какой угодно большой, иметь достаточно национальных и простонародных примет. Но народным по духу дело разрушения не станет никогда, хотя и может быть народным по формам. Народ, как и человек, может «забываться» и даже «терять себя», но возвращение к себе – это всегда прозрение, опаматование, раскаяние, выздоровление.

Дом и мир у Распутина – это естественные формы организации человеческой жизни на земле. Об этом говорил еще Достоевский «Земля – все, а уж из земли... и все остальное,

то есть и свобода, и честь, и жизнь, и семья, и детишки, и порядок, и церковь – одним словом, все, что есть драгоценного» [4, с. 99]. Дом – семья, род, ближний круг человеческого общения, важнейшая опора самостояния личности. Условие самореализации лучшего в человеке, подавления излишнего, излечение болезненного.

В рассказе «Василий и Василиса» изображается тяжелейший многолетний семейный разлад. Внешнего примирения между мужем и женой так и не происходит до момента смертельной болезни героя. Но способность семьи сглаживать, смягчать обиду, вопреки всему сближать родных людей как бы невзначай показана уже раньше. Внук назван сыном в честь деда. В сцене сенокоса, на который единственный раз в году все собираются вместе, происходит характерный диалог:

«– Завтра поторапливаться надо. – Василий поднимается. – Ненастье будет.

– Какое еще ненастье? – настороженно спрашивает Василиса и смотрит на Петра.

– Собака траву ела, – говорит Василий Петру. – Примета верная.

Петр молчит» [9, с. 558].

Семья, дети, внуки, общие домашние заботы помогают даже в случае острейшего конфликта между людьми.

От дома, семьи тянутся нити к большим социальным общностям. Для целостного обозначения традиционно устроенной жизни более всего подходит традиционное же понятие «мир» – «такое всеединство, в котором единое существует не на счет всех или в ущерб им, а в пользу всех... истинное единство сохраняет и усиливает свои элементы, осуществляясь в них как полнота бытия» [12, с. 552].

Оно определенным образом противопоставляется в художественно-философской системе Распутина новому понятию «коллектив». Объединяющие начала первого имеют духовно-нравственную природу – коллектив формируется на рационально-правовых основаниях. Мир преумножает силы человека (говорят: «На миру и смерть красна». Заменить здесь «мир» на «коллектив» без искажения смысла нельзя) – коллектив «обобществляет» часть прав и возможностей человека в обмен на некие «льготы», выгоды, преимущества. Коллективный интерес всегда, в конечном счете, оказывается на руку кому-то одному, хотя бы и каждому члену коллектива, но в отдельности от других. Мирская правда не делится, она одна для всех. Мир собирает свободные личности – в коллектив входят осознавшие необходимость граждане, коллеги, то есть реализуется лишь часть человеческого «Я», юридически или, например, профессионально определяемая. Мир чужд жесткой иерархичности – в коллективе существуют четко закрепленные отношения лидерства и ведомости. Мир универсален – коллектив функционален. Мир идеален – коллектив реален. Критерий оценки в коллективе – польза, на миру – красота.

Уже в первой повести «Деньги для Марии» писатель с тревогой заметил ослабление традиционного начала в жизни людей. Только во сне героя мирское правило бескорыстной взаимопомощи действует легко и естественно. Наяву все гораздо сложнее. В «Прощании с Матерой» самая светлая сцена – последний общий сенокос – праздник, когда отошло на несколько дней на задний план страшное настоящее и забылось гнетущее будущее. А подавляют, насту-

пают, побеждают разного рода коллективные установки, потребности, правила. Наиболее выразительно в этом смысле изображение дружного коллектива пожарщиков во главе с «черным» начальником по фамилии Жук.

Народ – высшая форма мирского единения людей. Распутин четко указывает различия между понятиями нации, населения и народа: «Народ – это коренная порода нации, неизъяснимая ее часть, трудящаяся, говорящая на родном языке, хранящая свою самобытность, несущая Россию в сердце своем и душе» [7, с. 190]. В его произведениях осмысливаются также причины и последствия отпадения личности от народа. В «Живи и помни» истоком этого стали нелады в семье, можно вспомнить закрытый и нелюдимый характер матери Андрея. Но главным все-таки писатель считает язву, полость в душе самого героя. Развернутая метафора в самом начале произведения указывает в этом направлении. Страшная догадка Настены о том, что «не мог чужой догадаться, что под плахой тайник» разворачивается в ходе всего дальнейшего повествования. Плаха «не шевельнется, не дрогнет» только рядом с другими. Так, был Гуськов достаточно прочен, находясь в ряду, пока от его воли мало что зависело. А когда должен был выбирать сам, то внутренней опоры не оказалось. И еще – топор, хранившийся под плахой, который забрал Андрей, как свое, из тайника. Этим топором убивает он теленка на глазах матери. Страшная сцена. Но страшны и изменения в душе героя. В арсенале Распутина-художника важна не только внутренняя речь персонажа, но и ее отсутствие. Именно с этой сцены

Гуськов внутренней речи лишается полностью. Душа мертва, ничего слышать уже невозможно. А прощенная миром Настена и в сцене смерти продолжает мыслить до последнего мгновения и через смерть возвращается к людям, хотя бы на краешек родного кладбища. Неизбывная в жизни, трагедия в художественной прозе Распутина оборачивается катарсисом.

Следует понимать, что понятие «дух» не завершает ряд, но замыкает круг в системе художественной философии Распутина. Его герои от земли. Их способность выстроить дом и организовать мир основывается на понимании и гармонии с землей. А важнейшее качество, обеспечивающее возможность всего этого – духовность.

Для писателя важна отечественная традиция понимания духовности, например, суждение Н.А. Бердяева о том, что «духовная жизнь раскрывается по ступеням и разнокачественно. В нее входит вся познавательная, нравственная, художественная жизнь человечества, входит общение в любви» [1, с. 48]. Распутин развивает эту мысль: «Духовность – это связность с вечностью, дорога, ведущая через смерть. Она не может быть только религиозной, разлившись и в искусстве, и в природе, и в отношениях между людьми, но если эти отношения, этот трепет перед красотой и предельной выразительностью имеют возвышенный характер, значит, невольно мы принимаем в них единое творящее начало» [8, с. 55]. Это суждение объясняет кажущееся противоречие: собственно религиозно-духовных образов, рассуждений в художественных произведениях Распутина очень мало. В отли-

чие от Шукшина, например, у которого об этом очень часто есть возможность напрямую размышлять. И не только требования времени, цензуры, политическое давление на писателей тому причина. За два-три поколения удалось существенно оттеснить, подменить, вывести из арсенала повседневных народных необходимостей религиозно-церковные представления, знания, образность. Распутин пишет о реальных людях конкретного времени. А его искусство основывается на принципах, которые кажутся незбылемыми. Важнейший из них – духовная наполненность творческой интенции и текста.

Духовное начало постоянно проявляет себя в произведениях Распутина, очень редко воплощаясь в традиционной религиозной атрибутике. Мы уже сказали о решении вопросов веры Анной из «Последнего срока». Обратим здесь также внимание на то, что в отношении каждого из ее детей автор отмечает моменты, когда тайна духовной наполненности мира приоткрывается для человека. Михаил ощутил это после рождения первенца, Илья – принимая благословение матери перед уходом в армию, Люся – когда легкая прогулка обернулась нежданной встречей с голосами земли, времени, духовной мукой, без которой было так легко и комфортно жить. Даже в рассказе о наименее глубокой Варваре подмечен момент, когда однажды в детстве она что-то искала в пыли на дороге, откликнувшись на зов тайны, «со вниманием и волнением рассматривая, какая она есть, отыскивая то, что никто еще в ней не знает» [9, с. 148].

Дух – сердцевина человеческой личности, благостный и тяжкий дар, данный на поддержку и развитие

на земле, а не как кубышка для бездумной растраты на кривых дорожках жизни.

Сформулировал Распутин-художник важнейшую максиму одухотворенного существования мира и человека в мире в единственном слове. Он заменяет им в названии своего рассказа «Век живи – век *люби*» формулу своекорыстной мудрости на формулу любви. Поход в тайгу, сбор ягод связаны для Сани с первым прикосновением к тайне, красоте и величию жизни. Метафорическое значение происходящего автор подчеркивает, описывая, как уходят в туман ягодыники с горбовиками за спиной, будто унося «в этих странных посудинах итоги своей жизни». И Саня пережил день, когда «где-то – на земле или в небе – происходит что-то особенное, с него начинается какой-то другой отсчет» [9, с. 632], он вынес из тайги бесценный для себя опыт и открытия, к которым человек может прийти только сам. Он прикоснулся к важнейшим животворящим началам бытия – любви и красоте. И метафора этого – собранные им ягоды. Распутин так вкусно все это рассказал, что особенно драматично звучит неожиданный финал, когда ягоды пришлось выбросить. Дядя Володя своим поступком хочет напомнить о том, что мир коварен, зло поджидает за каждым углом, хочет научить

закону выживания в мире зла. Автор напоминает, что мир создан другим («природа всегда нравственна») и зло отвергает, возвращает его тому, кто совершил: «на тебя первая же лесина сама свалится, первый же камень оборвется. Вот увидишь. Они такие фокусы не любят... Ой не любят!» [Там же, с. 637].

О лучших страницах русской литературной классики В.Г. Распутин сказал, подчеркивая их не сугубо земной, но возвышенно-духовный исток: «Мы не можем не чувствовать, подобно намоленным стенам в храме, напитанность восторгом, наплаканность слезами умиления этих давно сочиненных страниц. Сочиненных ли? Нет, переданных в ту душу, которая способна принять их без искажений и высказать в точности. Прочитав их, я перестаю верить в небытие – я побывал там, в тех горних высотах, в том чувственном чистом экстазе, в той неземной окрыленности, откуда возвращаются вовсе не бранными остатками. И я ощущаю, близко ощущаю присутствие всех, кто читал эти страницы до меня и вместе со мной, вижу себя в их едином братстве» [8, с. 55].

Есть все основания и творчество самого В.Г. Распутина рассматривать в этом ряду художественных творений, доносящих до нас голос, создающий, по облику и подобию своему, вечный мир любви и красоты.

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994.
2. Бражников И.Л. Эсхатологический хронотоп в повести Валентина Распутина «Прощание с Матерой» // Творчество В.Г. Распутина в социокультурном и эстетическом контексте эпохи: монография. М., 2012. С. 48–69.
3. Гришенкова Т.Ф. «Принял веру как дыхание и назвал именем Христа» (В.Г. Распутин о православной сути русского человека) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 5 (32). С. 83–90.
4. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. М., 1981. Т. 23; 1986. Т. 29.
5. Распутин В.Г. Байкал, Байкал... Очерк // Советская культура. 1981, 15 мая. № 39. С. 8.

6. *Распутин В.Г.* Дочь Ивана, мать Ивана. М., 2004.
7. *Распутин В.Г.* Видимое и невидимое (Два слова в пользу надежды) // Наш современник. 2000. № 2. С. 185–190.
8. *Распутин В.Г.* Многобедное наше счастье – жить в России: беседа с Г. Немченко // Российская Федерация. 1998. № 18–19. С. 55.
9. *Распутин В.* Малое собрание сочинений. СПб., 2015.
10. *Распутин В.Г.* Где моя деревня // Москва. 1995. № 2. С. 3–5.
11. *Распутин В.Г.* Иркутск с нами // Советская культура. 1979, 14 сентября. С. 6.
12. *Соловьев В.С.* Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1989.
13. *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. М., 1996.
14. *Проханов А.* Метафора современности // Литературное газета. 1979, 12 сентября. № 37.
15. *Успенский Г.И.* Власть земли. М., 1988.
16. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М., 1993.

References

1. Berdyayev N.A. *Filosofiya svobodnogo duha* [Philosophy of a free spirit]. Moscow, 1994.
2. Brazhnikov I.L. Eschatological chronotope in the story “Farewell to Matyora” by Valentin Rasputin. *Tvorchestvo V.G. Rasputina v sociokulturnom i esteticheskom kontekste epochi*. Moscow. 2012. Pp. 48–69. (In Rus.)
3. Grishenkova T.F. “Took faith like a breath and called himself the name of Christ” (Rasputin on the Orthodox essence of the Russian people). *The Surgut State Pedagogical University Bulletin*. 2014. No. 5 (32). Pp. 83–90. (In Rus.)
4. Dostoevsky F.M. *Polnoye sobrniye sochineniy*. V 30 t. [Complete collection of works in 30 vols]. Moscow, 1981. Vol. 23; 1986. Vol. 29.
5. Rasputin V.G. Bajkal, Bajkal... Oчерk. *Sovetskaya kultura*. 1981, 15 maya. № 39. P. 8.
6. Rasputin V.G. Doch Ivana, mat Ivana [Daughter of Ivan, mother of Ivan]. Irkutsk, 2004.
7. Rasputin V.G. Visible and invisible (Two words in favor of hope). *Nash sovremennik*. 2000. No. 2. Pp. 185–190. (In Rus.)
8. Rasputin, V.G. Our so poor happiness is to live in Russia: A conversation with G. Nemchenko. *Rossiyskaya Federaciya*. 1998. No. 18–19. (In Rus.)
9. Rasputin V.G. *Sobraniye sochineniy*. V 3 t. [Works in 3 vols.]. Moscow, 1994.
10. Rasputin V.G. Where is my village. *Moskva*. 1995. No. 2. Pp. 3–5. (In Rus.)
11. Rasputin V.G. Irkutsk is with us. *Sovetskaya kultura*. 1979, 14 sentyabrya. (In Rus.)
12. Solovyev V.S. *Sochineniya*. V 2 t. [Works in 2 vols.]. Vol. 2. Moscow, 1989.
13. Propp V.Ya. *Istoricheskie korni volshebnoj skazki* [The historical roots of a fairy tale]. Moscow, 1996.
14. Prohanov A. *Metaphor of modernity*. *Literaturnaya gazeta*. 1979, 12 sentyabrya. (In Rus.)
15. Uspensky G.I. *Vlast zemli* [Power of earth]. Moscow, 1988.
16. Shpengler O. *Zakat Evropy*. *Oчерki morfologii mirovoj istorii* [Sunset of Europe. Essays on the morphology of world history]. Moscow, 1993.

Статья поступила в редакцию 25.01.2022, принята к публикации 25.02.2022

The article was received on 25.01.2022, accepted for publication 25.02.2022

Сведения об авторе / About the author

Сигов Владимир Константинович – доктор филологических наук; профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков Института филологии, Московский педагогический государственный университет

Vladimir K. Sigov – ScD in Philology; Professor at the Department of Russian literature of the XX–XXI centuries, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

E-mail: vladimirsigov@mail.ru